

Воронина Галина Александровна

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОПРОСЫ ПЛОДОИЗГНАНИЯ И ДЕТОУБИЙСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX ВЕКА

В статье рассматривается проблема действенности законодательства в области намеренного прерывания беременности и детоубийства в Российской империи в XIX веке. По итогам исследования делается вывод о низкой эффективности как самого законодательства о плодоизгнании и детоубийстве, так и степени его применения в данной сфере, требующего дальнейшего законотворчества с учетом комплексного подхода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/7-1/5.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (45): в 2-х ч. Ч. I. С. 27-29. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Руководствуясь потребностями правоприменителя, который пользуется непосредственно Уголовным кодексом РФ, а не ФЗ РФ от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», и во избежание двусмысленности, следует отметить, что все же корректнее было бы употреблять термин «корыстная заинтересованность» с использованием его толкования, данного Верховным Судом РФ [6]. Такой подход избавит от разночтений теорию и практику, антикоррупционное и уголовное законодательство, позволит правильно вести статистику. Правильное понимание субъективных признаков составов коррупционных преступлений имеет существенное значение и для квалификации преступлений как деятельности познавательной, с точки зрения оценки квалифицируемых деяний, так и профессиональной, в ходе которой работники практически проявляют умение применять свои знания [11, с. 187], мастерство толкования закона.

Список литературы

1. Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002. 775 с.
2. Волков Б. С. Мотивы преступлений. Уголовно правовое и социально-психологическое исследование. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1982. 152 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / под ред. А. И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ, 2012. 624 с.
4. Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М.: Антэя, 2000. 288 с.
5. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Российская газета. 2008. 30 декабря.
6. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 // Российская газета. 2009. 30 октября. № 5031.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. 848 с.
8. Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. М.: Наука, 1970. Т. 1. 516 с.
9. Пункт 3 Обзора судебной практики // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. № 8.
10. Уголовное право. Общая часть / под ред. А. Э. Жалинского. М.: Изд. дом «Городец», 2011. Т. 1. 864 с.
11. Фильченко А. П. Философско-юридические основания определения момента возникновения отношения уголовной ответственности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 11. Ч. 2. С. 185-187.

MOTIVES AND GOALS OF CORRUPTION CRIMES

Bugaevskaya Natal'ya Valentinovna, Ph. D. in Law, Associate Professor
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
bugaevskaya.natalia@yandex.ru

The article presents the problem of the ambiguity and incoherence of understanding the subjective attributes of corruption crimes components (motive and goal) in anti-corruption legislation, namely in the Federal Law of the Russian Federation from 25.12.2008 № 273-ФЗ «On Corruption Counteraction», the Criminal Code of the Russian Federation and departmental normative acts, on the basis of which the statistical record of corruption crimes is implemented. The paper reveals the content of corruption crimes motives and goals, including on the basis of the theory of criminal law and the highest court clarifications; the definition of a new term, «corruption motive», is represented; recommendations for its further use are given.

Key words and phrases: corruption crimes; corruption crimes motive; corruption crimes goal; corruption motive; sides of corruption deal.

УДК 340

Юридические науки

В статье рассматривается проблема действенности законодательства в области намеренного прерывания беременности и детоубийства в Российской империи в XIX веке. По итогам исследования делается вывод о низкой эффективности как самого законодательства о плодоизгнании и детоубийстве, так и степени его применения в данной сфере, требующего дальнейшего законотворчества с учетом комплексного подхода.

Ключевые слова и фразы: плодоизгнание; детоубийство; законодательство; суд присяжных; повивальная бабка; Российская империя.

Воронина Галина Александровна

Каспийский институт морского и речного транспорта (филиал)
Волжской государственной академии водного транспорта
gavoronina@mail.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОПРОСЫ ПЛОДОИЗГНАНИЯ И ДЕТОУБИЙСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX ВЕКА[©]

Российская правовая теория периода империи уделяла немалое внимание проблемам становления и развития законодательства в целом и ответственности за плодоизгнание в частности. К концу XIX века наиболее

интенсивное переосмысление теоретических подходов к истреблению плода как преступлению происходило в том числе в связи с вопросом об эффективности применения законодательства в этой области.

По законодательству периода империи, за совершение плодозгнания было предусмотрено в том числе и наказание в виде лишения всех прав состояния. Устав Уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года в главе 1, регламентирующей подсудность по роду преступлений, в статье 201 предусматривал, что дела о преступлениях и проступках, за которые в законе положены наказания, соединенные с лишением или ограничением прав состояния, ведаются окружным судом с присяжными заседателями [8, с. 229]. Таким образом, дела об истреблении плода рассматривались с участием суда присяжных.

Исследуя эффективность работы суда присяжных по отношению к преступлениям против жизни, отечественные юристы-практики собрали некоторые статистические данные и представили их анализ в хронике журнала Министерства юстиций за 1896 год. Согласно этим данным, именно истребление плода и детоубийство составляли ту группу преступлений против жизни, по которым последовало наибольшее число оправдательных приговоров. Трехлетний период исследования с 1885 г. по 1887 г. показал: за истребление плода на 52 лица судившихся только 13 осужденных и 39 оправданных. Общий процент оправданных за истребление плода составил 75 [5, с. 178]. В этот же период исследования процент оправданных обоего пола для Киевского округа по делам об истреблении плода составляет 85, среди них оправданных женщин – 50% [Там же, с. 182].

К анализу работы суда присяжных в целом обратил свое внимание такой правовед периода империи, как Н. И. Цуханов. В статье «О недостатках нашего суда присяжных» он отметил различия в работе присяжных заседателей на уровне сессий в уездах и в больших городах, особенно столичных. По мнению автора, существенное между ними отличие заключалось в том, что «в первых из них преобладают приговоры обвинительные, а во вторых – оправдательные» [4, с. 133].

Примерами, подтверждающими точку зрения Н. И. Цуханова, могут служить два дела, решения по которым были вынесены Астраханским и Петроградским окружными судами с участием присяжных заседателей. В марте 1911 г. уголовным отделением Астраханского окружного суда с участием присяжных заседателей было рассмотрено дело мещанки Кузнецовой за незаконное производство аборт (начато 5 ноября 1910 г. – окончено 2 марта 1911 г.). Согласно материалам дела, Елена Чернозубова в возрасте 19 лет, узнав о своей беременности, обратилась к акушерке Кузнецовой. Кузнецова согласилась произвести выкидыш Чернозубовой, взяв с нее 20 рублей. Спустя несколько дней, Чернозубова скончалась от «гнилостно-гнойного воспаления брюшины», произошедшего, по заключению врача, «от введения в половой канал загрязненного предмета» [3, д. 424, л. 10]. Подсудимая Кузнецова вину свою отрицала, заявив, что занималась только практикой повивальной бабки. Приговором суда мещанка М. В. Кузнецова, была лишена всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, заключена в тюрьму на четыре года.

Аналогичное дело было рассмотрено в заседании петроградского окружного суда в 1916 году: дело повивальной бабки Василевской, обвинявшейся в аборте, последствием которого была смерть пациентки. Выступивший в суде экспертом профессор судебной медицины Косоротов определил, что смерть покойной вызвана заражением крови, происшедшим вследствие неопрятности содержания инструментов, которые применялись при операции. Подсудимая виновной себя не признала. Присяжные заседатели вынесли Василевской оправдательный вердикт [1, с. 354].

Таким образом, примеры иллюстрируют крайне неоднозначное применение судами присяжных одного законодательства при рассмотрении аналогичных дел, но в различных городах империи.

Выявляя причины различных вердиктов суда при рассмотрении схожих дел, статья «Суд присяжных по отношению к преступлениям против жизни», опубликованная в журнале Министерства юстиций в 1896 году, выдвигает суждение, что основной из них является сам суд присяжных. Отсутствие юридического образования у судей присяжных, отсутствие желания «брать грех на душу» зачастую оказывают большее влияние на принятие решения, чем несомненная доказанность преступного деяния и виновность [5, с. 185].

Однако, на наш взгляд, следует согласиться с такими авторами, как Н. Цуханов, И. Я. Фойницкий и А. Ф. Кони, которые полагали, что причиной недостатков в работе суда присяжных является несостоятельность законодательства, а именно устарелость норм [4, с. 133].

О низкой эффективности применения законодательства о плодозгнании и детоубийстве говорит и тот факт, что в целом, дела по совершению данных преступлений возбуждались довольно редко и носили случайный характер обнаружения. Так, поводом, например, к возбуждению дел о плодозгнании служила в основном смерть беременной женщины, которая наступала в 50-60% случаев при производстве истребления плода [7, с. 255]. Следовательно, в 40-50% случаев, при умелом производстве абортов, как женщина, решившая избавиться от нежеланного ребенка, так и лицо, оказавшее ей содействие в этом преступлении, например, повитуха, оставались безнаказанными.

Но даже в случае доведения дела о плодозгнании в период империи до судебного разбирательства установить связь между деянием (т.е. совершением факта плодозгнания) и наступившими последствиями (например, смертью беременной) было нелегко. Кроме того, формулировка причины смерти беременной женщины не всегда отражала научность и тщательность изучения. Примером может служить решение по делу об обвинении в смерти роженицы повивальной бабки Соколовской (от 30 октября 1826 года) по случаю «неразрожденной чернойярской мещанки Анны Сутыриной, по подозрению в даче ей градскою бабкою Терезией Соколовской лекарств» [2, д. 445, л. 2]. Так, согласно решению, смерть мещанки Сутыриной «постигла единственно от воли Божией», ибо по свидетельству городского лекаря Смирнова и произведенному следствию

полицией никаких насильственных знаков не открылось [Там же, л. 3]. Таким образом, несмотря на широкое теоретическое обсуждение проблемы преступности плодоизгнания в период империи, несомненным являлся факт необходимости всестороннего и комплексного изучения каждого отдельного преступного деяния с учетом обоснованности и научности при выявлении причинно-следственных связей.

О том, что многое по делам о детоубийстве по-прежнему решал не закон, а скорее, случай, говорит и тот факт, что такие дела возбуждались зачастую по доносу. При обнаружении трупа новорожденного, как правило, в поисках субъекта преступления староста при помощи повивальной бабки производил опрос и осмотр всех женщин детородного возраста в находящейся в его ведении местности. Таким образом, тщательно спланировав убийство ребенка и избавившись от трупа не в месте постоянного проживания, а, например, в соседней деревне, можно было в большинстве случаев избежать наказания за совершенное преступление. Но также легко можно было быть осужденным по ложному доносу. Именно случайный донос играл иногда основную роль в установлении самого факта совершения преступления по детоубийству. В качестве примера интересным является дело о сокрытии новорожденного девицей Затокеновой от 30 мая 1856 г. По материалам дела, девица 19 лет скрывала свою беременность особенно тщательно, «для исполнения чего она носила стеганки и никому не открывалась, кроме того не имела знакомств со своими подругами» [Там же, д. 1271, л. 3]. Родила одна ночью в отдельном на дворе шалашике, была «в состоянии зарыть ребенка и скрыть все следы происшествия». Спустя несколько дней, по «излившемуся из груди молока во время купания с другими женщинами они могли подозревать ее в родах, в связи с чем и обратились к старосте, что и послужило основанием к дальнейшим розыскам» [Там же, л. 4].

Практика применения законодательства о плодоизгнании и детоубийстве, называемые в теории привилегированными, показывает, что эти преступления признавались судами присяжных, заслуживающими еще большего снисхождения, чем они пользовались по закону. Так, например, при рассмотрении дел о детоубийстве, законодатель смягчал наказание виновнику преступления, то есть матери убитого ребенка, учитывая ее особое состояние в момент совершения преступления [6, с. 341].

В целом практика рассмотрения дел о плодоизгнании и детоубийстве в период Российской империи показала, что многие преступления оставались либо случайно обнаруженными, либо недоказанными в процессе судебного разбирательства, и любые сомнения трактовались в пользу обвиняемого лица.

По мнению правоведов периода империи, большое число оправдательных приговоров по делам о плодоизгнании и детоубийстве указывало на неэффективность работы суда присяжных с одной стороны, с другой стороны, большинство правоведов разделяло мнение о том, что истинной причиной столь мягких вердиктов суда являлось несовершенство и устарелость законодательных норм.

Подводя итог, следует констатировать, что в Российской империи XIX века наблюдалась низкая эффективность как самого законодательства о плодоизгнании и детоубийстве, так и степени его применения на практике.

Неоднозначность решений по схожим делам, большое число оправдательных приговоров, отсутствие научности в подходе при рассмотрении дел, большой процент смертей среди матерей, решивших избавиться от нежелательной беременности, определили дальнейшую необходимость законотворчества в области намеренного прерывания беременности и детоубийства с учетом комплексного подхода, требующего применения достижений в разных областях знаний.

Список литературы

1. **Вестник полиции:** еженедельный журнал с иллюстрациями. Петроград: Министерство внутренних дел, 1916. № 1-52.
2. **Государственный архив Астраханской области (ГААО).** Ф. 204. Оп. 1.
3. **ГААО.** Ф. 205. Оп. 2.
4. **Журнал гражданского и уголовного права /** Издание С.- Петербургского юридического общества. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1882. Кн. 5. Май.
5. **Журнал Министерства юстиций.** СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1896. № 6. Июнь.
6. **Игнатовский А. С.** Судебная медицина. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1911. Вып. 1. 426 с.
7. **Таганцев Н. С.** О преступлениях против жизни по русскому праву. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1871. Т. 2. 521 с.
8. **Устав Уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года //** Полное собрание законов российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1864. Собрание II. Т. XXXIX.

EFFICIENCY OF APPLICATION OF LEGISLATION REGULATING ISSUES OF EXPULSION OF FETUS AND INFANTICIDE IN THE RUSSIAN EMPIRE OF THE XIX CENTURY

Voronina Galina Aleksandrovna

*Caspian Institute of Marine and River Transport (Branch) of Volga State Academy of Water Transport
gavoronina@mail.ru*

In the article the issue of the effectiveness of the legislation on the deliberate termination of pregnancy and infanticide in the Russian Empire in the XIX century is considered. As a result of the research the author comes to the conclusion about the low efficiency of both the legislation on the expulsion of fetus and infanticide and the degree of its application in this sphere, which requires further lawmaking with account of integrated approach.

Key words and phrases: expulsion of fetus; infanticide; legislation; jury trial; midwife; the Russian Empire.